

сборник рассказов

Цена
выбора
Гарси
прошлого
Книга 3

Гавел Кропчичов

Павел Крапчитов
Цена выбора. Голоса
прошлого. Книга 3
Серия «Цена выбора. Сборники
фантастических рассказов», книга 3

*<https://litres.ru/73903946>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Шесть историй о том, что тени минувшего не исчезают сами. Их можно носить в себе годами, пытаться забыть или переписать. Но за избавление всегда нужно платить. Деньгами, годами жизни, шансом на счастье или просто умением отпустить.

Не платить — тоже выбор. И у него есть своя цена.

Содержание

Предисловие	4
Раздел 1. Цена тайны	5
О чем поет муза?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Павел Крапчитов

Цена выбора. Голоса прошлого. Книга 3

Предисловие

Прошлое — не груз. Это компас. Но если долго не сверяться с ним, он начинает врать.

Герои этой книги пытаются договориться со своей памятью. Кто-то платит одиночеством за свой дар. Кто-то — возможностью начать всё сначала. Кто-то — тишиной в собственной голове. Кто-то — внезапно обрётённой свободой, которой не знал, как распорядиться.

Здесь шесть голосов. Шесть выборов. Шесть цен, которые не измерить деньгами.

Искупление возможно. Но сначала узнайте цену.

Раздел 1. Цена тайны

Знание приходит не только через учёбу. Иногда — сквозь боль, через случайный удар головой или прикосновение женщины. Плата за это знание — любовь, покой, вера в себя. Три истории о тех, кто видит и слышит больше, чем должен.

О чем поет муза?

Сцена 1

Ветер был холодным и нес в себе запах моря.

«Или мне это только кажется?» — подумал Альбер Фишер. С морским ветром у него были связаны неприятные воспоминания. Или приятные? Это как посмотреть.

Впрочем, от городка под названием Бюркербург, в который приехал Альбер, до моря было не менее десяти километров.

«Все это игры подсознания», — решил молодой человек.

Вещи он оставил в камере хранения на вокзале и в редакцию газеты «Ди вохе» отправился налегке. Где располагается редакция, он не знал. Но репортер он или не репортер, в конце концов?! Несколько остановленных прохожих, перекрестная проверка в уме информации, полученной от них о расположении редакции, — и дело сделано. Можно теперь даже предложить главному редактору идею для своей первой статьи: «Как я нашел „Ди вохе"». Ха-ха.

Впрочем, все было наоборот. Это «Ди вохе», еженедельная газета, выходящая в этом городке, нашла его. И что важно, нашла в тот самый момент, когда Альбер собирался навсегда покончить с работой на журналистском поприще. Нет, ему не надоело этим заниматься. Для него работа репортера была схожа с поисками сокровищ. Правда, в послед-

нее время, сам того не желая, он сконцентрировался на очень специфических «сокровищах». Но даже это Альбер мог бы стерпеть, если бы не безденежье. В редакции газеты «Эйербурф цайтунг», казалось, делали вид, что оказывают молодому человеку одолжение, предоставляя ему возможность работать репортером в столичной газете.

«В столичной газете! — усмехнулся Альбер. — Вот же снобы!»

Эйербурф являлся всего-навсего областным центром земли Вюртенберг. Да, большой город с массой старинных зданий. Да, стоит на большой реке под названием Мэйн, по которой ходят большие корабли. Да, в нем есть свой университет, чем объясняется большое количество молодежи на его улицах. А еще много... На этом месте своих воспоминаний Альбер вздохнул. На улицах областного центра, что так грубо отринул от себя начинающего репортера, встречалось много молодых и симпатичных женщин. Гораздо больше, как казалось молодому человеку, чем в его родном городке Гармисон, что располагался на самом юге их королевства Германика.

Впрочем, это и не удивительно. Гармисон был небольшим городком в окружении многочисленных деревушек, а те в свою очередь были разбросаны посреди бесконечных полей и пастбищ. Люди, возделавшие эти поля и выращивавшие скот на пастбищах, приезжали в Гармисон только по воскресеньям, да и то, если поблизости их селения не находилось

своей церкви. Еще случался наплыв народа во время осенней ярмарки. В остальное время в городе было пустынно. Отец Альбера, Отто Фишер, работал на маслобойной фабрике и считал, что такая судьба предназначена и его сыну.

Но Альбер, ходивший в местную школу, неожиданно показал хорошие знания в словесности. На уроках по этому предмету он блистал. А еще он стал писать стихи. Отец его увлечения не одобрял. Но после того, как небольшое стихотворение Альбера опубликовали в областной газете, все вокруг хвалили старшего Фишера за то, что воспитал такого сына. После этого события отец смирился с тем, что его сын не похож на своего отца. В конце концов, ведь и сам Отто был не похож на своего отца. Тот всю жизнь убирал навоз за коровами, а Отто стал механиком на большой маслобойне. Механиком! На маслобойне!

А потому, окончив школу, Альбер отправился в Эйербурф, намереваясь найти работу в какой-нибудь областной газете. То, что работа обязательно найдется, юный провинциал не сомневался. Сочинения в школе он писал грамотно и с выдумкой, за что учитель его хвалил. Кроме того, он слышал, что в Эйербурфе газет было чуть ли не с десятков. Неужели ни одна не согласится взять себе бойкого молодого человека на должность репортера?

Но действительность оказалась совсем не такой, какой рисовал ее себе юный Альбер. Пусть ты пишешь школьные сочинения на одни пятерки, но если у тебя нет университетско-

го образования, то с тобой и разговаривать не станут. Юный провинциал обошел почти все газеты областного центра, но нигде не прошел дальше секретаря главного редактора. Как правило, это были женщины средних лет. Кто-то из них сразу отказывался говорить с Альбером, кто-то сочувственно вздыхал, но результат оказывался один: никакой работы он не получил.

Самую большую газету областного центра — «Эйербурф цайтунг» — молодой человек оставил напоследок. Но и там ему отказали. Секретарь главного редактора, немолодая женщина, сделала печальные глаза и вынесла свой приговор:

— Поступай, дружок, в университет, — посоветовала она.
— А закончишь, приходи.

«Легко сказать „поступай“, — с досадой подумал Альбер.
— А деньги откуда? За учебу заплати, за жилье заплати, да и на питание уйдет немало».

По всему выходило, что надо возвращаться в родной Гармисон и идти в подмастерья к отцу на маслобойню.

— О, а это кто у нас такой? — к столу секретаря главного редактора подбежал худощавый мужчина средних лет без пиджака. Его брюки поддерживали подтяжки. Они прижимали слишком просторную рубашку к тщедушному телу мужчины, отчего та топорщилась, как будто ее надули воздухом.

— В репортеры хочет, — усмехнулась женщина-секретарь.

— А курьером пойдешь? — тут же предложил мужчина.

— Уверен, Карл? — спросила секретарь. — Он же город не знает.

— Да ладно, — отмахнулся от нее Карл. — Густав ногу сломал, Оскар запил. Что мне самому с депешами бегать?

— Твое дело, — пошла на попятную секретарь.

— Ну что, согласен? — спросил мужчина, глядя с надеждой на Альбера.

— Согласен, — ответил тот. Возвращаться домой ему почему-то было стыдно.

Сцена 2

Так началась трудовая жизнь Альбера. Бегать по городу с самого разного рода поручениями и посылками приходилось много.

«Зато город изучу», — успокаивал себя молодой человек.

Но вскоре достопримечательности областного центра примелькались, и ничего кроме усталости работа курьера Альберу уже не приносила.

Платили совсем немного. Хорошо, что курьерам в «Эй-ербурф цайтунг» полагались талоны на еду. На них можно было один раз в день сытно поесть в ближайшей таверне. А еще Альберу повезло найти двух таких же, как и он, молодых провинциалов, приехавших покорять «столицу», которые искали жилье. Вот и стали они втроем снимать комнату. Тесно, но, разделив плату на троих, получалось приемлемо. После основных трат даже оставалось немного денег. Толь-

ко вот потребности молодого человека не сводились к еде и крыше над головой. Быстро снашивались ботинки, что при такой работе не удивительно. А зимнюю одежду купить? А за стирку белья прачке заплатить? Те деньги, что оставались на руках у Альбера, утекали, как песок сквозь пальцы. И самое главное, из этой безысходности не проглядывало никакого выхода. Даже он, неискушенный жизнью юноша, понимал, что такая жизнь его ни к чему хорошему не приведет. И снова перед ним замаячило возвращение домой.

Помог Альберу случай. Ранней осенью у северного побережья Германики сел на мель большой пассажирский пароход. И так случилось, что те два репортера, что работали в «Эйербурф пайтунг», были заняты: один по службе, другой уехал на похороны к какой-то дальней родне. Вспомнила про Альбера женщина-секретарь, имя которой к тому времени молодой человек уже знал, — Эмма Шнитке. Фрау Шнитке предложила главному редактору отправить на побережье молодого, но бойкого курьера, который еще полгода назад просился в репортеры. Главный редактор подумал-подумал и, в конце концов, согласился. Так Альбер оказался на северном побережье Германики. Но то, что казалось простой командировкой: один день туда, полдня там и день обратно, — обернулось настоящей трагедией.

На побережье налетел ураган, и спасательные работы по съему пассажиров с парохода пришлось остановить. А потом пароход стали захлестывать волны, пассажиры гибли, и ни-

кто не мог им помочь. Стихия бушевала несколько дней. Какие-то трупы несчастных уносило в море, какие-то выбрасывало на берег. Это было ужасно! И рядом с этой трагедией оказался юный Альбер, у которого в жизни до сих пор была пока только одна смерть — гибель их домашней кошки от старости.

Надо отдать молодому человеку должное, он не стал на следующий день после прибытия возвращаться в редакцию. Интуиция ему подсказала, что надо досмотреть эту трагическую «пьесу» до конца. Каждый день он писал репортажи: о бушующих волнах, о стонущем где-то в море пароходе, о трупах несчастных, что выбрасывало на берег. Репортажи он отправлял по телеграфу, что имелся в ближайшем городке. Никаких ответных гневных телеграмм с приказами вернуться он не получал, а значит, надо было продолжать работать.

Наконец, море утихло. Пассажирский пароход так и стоял на мели, но никаких призывов о помощи с него не приходило. И тут себя проявили местные жители, которые, наверное, в древние времена были пиратами или по крайней мере пособниками пиратов. Так это или нет, но Альбер именно это и написал в своем репортаже. Для этого у него имелись все основания. Почему? А потому что, как только море успокоилось, местные жители на лодках сразу же отправились к затонувшему пароходу с явной целью поживиться тем, что осталось на нем. Рассуждали они вполне здраво. Через несколько дней корпус парохода полностью разобьют волны, и все

имущество сгинет в море. Так почему бы не прибрать добро к рукам?! Все равно пропадет!

Лодки, отправившиеся за добычей, успешно добрались до парохода, а потом случилось что-то очень странное. Если бы Альбер не наблюдал за этим всем с берега, то, возможно, и не поверил бы. Над морем пронесся мощный трубный гул, словно кто-то затрубил в громадный армейский горн. Нужно ли говорить, что лодки местных тут же бросились прочь от почти затонувшего парохода.

«То трубила в свой горн морская ведьма Фригида. И не послушаться ее местные жители не могли.

— Фригида может наказать, а может и предупредить. Мы испокон веков ее почитаем. Вот она и спасла наших мужей и детей от гибели.

Так рассказывала мне тетушка Полли, что работает в маленькой таверне в поселке на берегу. Не поверить ей было нельзя. Вскоре после трубного предупреждения Фригиды на побережье налетел сильный порыв ветра. Море на миг вздыбилось, а когда успокоилось, то корабля на мели уже не было.

— Вот, — сказала мне на следующий день тетушка Полли. — Не послушались бы наши мужики предупреждения морской ведьмы, все бы там и остались».

Так в своем репортаже написал Альбер. На самом деле он всё выдумал. И про Фригиду, и про тетушку Полли. Местные действительно собирались заняться мародеркой на полузатонувшем пароходе. Но местный полицмейстер строго-настро-

го предупредил их о наказании за этот поступок. Вот те и струхнули. Можно, конечно, было бы так и написать. Но начинающему репортеру ужас как надоело изо дня в день описывать, как волны выбрасывают на берег раздувшиеся трупы утопленников. Вот он и решил слегка приукрасить события.

И надо сказать, он попал в точку. Его репортажами, как потом выяснилось, зачитывались все жители Эйербурфа, а репортаж, где говорилось про морскую ведьму Фригиду, даже перепечатали в одной из столичных газет. В общем, из командировки Альбер вернулся уже не курьером, а помощником репортера. Только вот беда! За ним прочно закрепилась репутация автора, пишущего об утопленниках. Поскольку Эйербурф стоял на берегу Мэйна, то этого добра хватало.

— Эй, Альбер! — кричала ему из-за своего стола Эмма Шнитке. — Беги быстрее на пристань. Там твои «друзья» приехали.

Друзья — это так секретарь главного редактора называла утопленников.

Шутка была незамысловатой, но над ней смеялась вся редакция «Эйербурф цайтунг». А вслед за утопленниками добавились кражи, убийства, драки. В общем, если в Эйербурфе происходило что-то плохое, то туда направляли Альбера, чтобы он все подробно описал и, если имелась возможность, придумал очередную «морскую ведьму Фригиду». Все это снова начинало походить на жизненный тупик. Писать про все эти ужасные события молодому репортеру совсем не хо-

телось. Кроме того, несмотря на то, что его зарплата стала больше, расходы тоже выросли. Теперь ему приходилось снимать отдельную комнату. Все-таки он репортер большой газеты, а не какой-нибудь курьер. Вот и выходило, что сэкономить деньги опять не получалось. Но это было не самое страшное. Постоянная необходимость писать о преступлениях лишила его главного, к чему он стремился, — сочинять стихи. Ведь для создания поэтических произведений, о чем он мечтал еще со школьных лет, ему требовался особенный настрой. А какой может быть настрой после того, как насмотришься на убитых людей, ограбленные магазины, сгоревшие дома.

Сцена 3

Писать стихотворения было давней мечтой Альбера. Поэзия всегда привлекала его. С того самого момента, когда учитель словесности задал на дом выучить короткое стихотворение поэта-романиста прошлого века. Стихи поразили юного Альбера. И дело не в содержании, которое они несли. Рифмованные строки вдохнули в школьника какое-то особенное настроение, словно хотели ему что-то подсказать.

«О чем? — спрашивал себя Альбер. — Что вы хотите мне подсказать? Что скрыто в этом стихотворении? Какой-то тайный смысл?»

Но строки молчали, словно разочаровались в способностях их читателя. И тогда Альбер понял, что для того чтобы найти ответ, надо самому сочинить стихотворение. И тогда

его содержание отойдет на второй план, а поэту, автору этого стихотворения, откроется нечто важное, ради чего стоит жить.

Но ничего не получалось. Стихотворения выходили у Альбера хорошие, с гладкой рифмой, но какие-то пустые. Словно он взял строчки из учебника по математике и срифмовал их.

Помог случай. Тогда Альбер учился во втором классе старшей школы. Ему уже исполнилось двенадцать лет, и его взор все чаще привлекали школьницы, которых он видел в соседнем классе для девочек. А еще юноша со стыдом обнаружил, что ему приятно смотреть не только на школьниц, но и на взрослых женщин. Ему казалось, что это неправильно и нехорошо. Но противиться этому чувству он не мог. Альбер даже дорогу домой выбирал по улице, где располагалось много различных лавок. Рядом с ними всегда можно было увидеть домохозяйек, которые пришли за покупками. Он шел по улице и косил на женщин глаза. Какие лица! Какие изгибы тела!

Однажды, возвращаясь из школы, у лавки зеленщика Альбер увидел незнакомую женщину. Вместо обычного чепчика или платка, которые, как правило, носили замужние женщины, у незнакомки была совершенно чудесная шляпка. Темное платье женщины переливалось солнечными бликами, когда та двигалась, а ее лицо было прекрасно. Юноша забыл об осторожности и с раскрытым ртом любовался кра-

савицей. А потом случилось непоправимое.

— Мальчик, — обратилась к нему незнакомка, — разве ты не знаешь, что это неприлично — так пялиться на посторонних женщин?

Альбер покраснел, закрыл рот и бросился бежать.

«Только бы отцу не рассказали!» — билась в его голове одна единственная мысль.

Когда он прибежал домой, то немного успокоился. А затем юношу потянуло к письменному столу, за которым обычно делал уроки. Он открыл тетрадку, в которую записывал свои стихи, взял карандаш и стал писать. В результате получилось стихотворение, которое потом напечатали в областной газете, а Альбер понял важную мысль. Стихотворение рождает не рифмы. Рифмы лишь форма. Наполнить форму эмоциями помогут только другие эмоции. Как те, что он ощущал, глядя на незнакомку у лавки зеленщика.

Таким образом, у Альбера появилось понимание, как он может писать стихи. Только вот беда: сколько бы раз он после этого ни проходил по улице лавочников и ни глазел на покупательниц в лавках, то чувство, которое он испытал тогда, глядя на незнакомку, не появлялось. Нет, стихи он писал, и их даже хвалили, но Альбер понимал, что это не та поэзия, к которой он стремился. Ни одно из этих стихотворений не могло приподнять тайную занавесу бытия, что и являлось, как считал юноша, истинной целью поэзии.

***

Карьера журналиста казалась Альберу мостиком, по которому он сможет перейти к жизни поэта. Стремясь в Эйербурф из своего сельскохозяйственного Гармисона, он представлял, как пару лет поработает журналистом, набьет руку, обзаведется связями. Как его стихи станут известными, и он сможет этим зарабатывать на жизнь.

Но работа репортером в «Эйербурф цайтунг» оказалась не мостиком к поэзии, а дорогой в настоящий ад. Все что видел молодой человек, так это последствия убийств, пожаров и ограблений. И какая ему разница, что его репортажи с места преступлений обожали читатели газеты. Приходя в снимаемую им комнатку, Альбер ложился на кровать, в одежде, только лишь сбросив ботинки, а перед глазами проплывали картинки тех преступлений, на которые он насмотрелся в этот день и в предыдущие дни.

Работать на местах преступлений считалось невыгодным делом. Более опытные репортеры предпочитали освещать события светской хроники. Вместо картинок пожаров и трупов — великосветские приемы, когда вокруг красивые женщины, мужчины во фраках, бесплатная закуска и выпивка. В эту область журналистской работы Альберу вход был воспрещен.

Один только раз ему удалось нажиться на своей специализации. Он прибыл на пожар со взрывом, который снес большой и красивый дом в пригороде. Сказали, что взорвался светильный газ, которым вместо свечей освещался дом. Ко-

гда Альбер оказался на месте преступления, пожар уже потушили, да так удачно, что погреб в доме остался неповрежденным. Молодой репортер увидел, как двое полицейских выносят из погреба по ящику с бутылками вина.

Старший из полицейских посмотрел на своего напарника и кивнул в сторону Альбера. Тот вынул из ящика две большие бутылки вина и сунул ошеломленному журналисту. Эти две бутылки с тех пор так и стояли нетронутые в углу комнаты, что снимал Альбер. Дорогое, то ли французское, то ли итальянское вино. Таким вином не стыдно было бы угостить какую-нибудь девушку, например, стенографистку Эльзу из редакции или даже просто выпить самому. Но пить не хотелось. И встречаться со стенографисткой тоже. Молодой человек знал: даже если он пригласит в гости девушку, даже если они выпьют вместе вина, то картинки преступлений перед его глазами все равно не исчезнут.

Таким образом, работа репортером для Альбера оказалась жизненным тупиком. Из-за нее он не мог даже спокойно выпить вина с девушкой. Что же тогда говорить о поэзии? Что вышло бы из-под его пера с такими картинками перед глазами? Страшно представить!

Сцена 4

В тот день, когда Альбер сидел в своей комнате и переживал из-за того, что жизнь его зашла в тупик, в дверь постучались.

— Герр Фишер, вам письмо, — Альбер узнал голос хо-

зьяки, у которой снимал комнату на втором этаже.

Он подошел к двери, открыл. На полу у двери лежал желтоватый прямоугольник письма, а сама хозяйка уже спускалась вниз по лестнице.

— Спасибо, фрау Мюллер, — поблагодарил Альбер, а хозяйка только махнула рукой.

Письма Альбер получал редко. Один раз пришло письмо от отца. Это случилось около двух месяцев назад, и молодой человек не ожидал от нового письма из родных краев раньше рождества.

«Кто же это?» — подумал Альбер.

Впрочем, отправитель письма не собирался скрываться. Обратный адрес был прописан четко и ясно: Редакция газеты «Ди вохе», Бюркербург.

«Интересно», — молодой человек вскрыл письмо и стал читать.

Дочитав письмо, он стал ходить по комнате из угла в угол и повторять:

— Надо же! Надо же!

Альбер был возбужден: на него обратили внимание. Главный редактор еженедельной газеты из небольшого городка Бюркербург предлагал ему работу. Причем в письме указывалось, что он будет единственным репортером и у него будут два помощника.

— Единственным, значит, главным?! Надо же! — повторял молодой человек и продолжал вышагивать по комнате.

В письме также указывался размер его жалования. Оно превышало то вознаграждение, которое он получал в «Эйер-бурф цайтунг».

— Это хорошо, — сказал вслух Альбер. — Но все надо обдумать.

Тут молодой человек немного кривил душой — он все уже решил. В «Эйербурф цайтунг» в свой адрес он слышал только подколки, ни одного доброго слова. Кроме того, быть единственным репортером означало, что он сам будет выбирать темы для статей. Никто не загонит его в порочный круг убийств, грабежей и пожаров. Альбер почувствовал, что как будто ему стало даже легче дышать.

«А еще, наверное, и за жилье меньше платить придется», — подумал он. Наверняка, этот Бюркербург меньше областного центра.

В общем, со всех сторон предложение газеты «Ди вохе» казалось выгодным. Альбер еще какое-то время померил комнату шагами, а потом сел за стол писать ответное письмо. Получалось плохо. Пальцы слегка подрагивали от радостного возбуждения, в котором все еще пребывал молодой человек.

***

На расставание со старой работой ушло около месяца. Решению Альбера покинуть «Эйербурф цайтунг», конечно, не обрадовались, но и пытаться удержать тоже не стали. Более или менее бурно на уход молодого репортера отреагировала

только Эмма Шнитке, секретарь главного редактора.

— Кто ж теперь утопленниками заниматься будет? — громко, в своей обычной манере, воскликнула она.

Но эта реплика прозвучала, скорее, как очередная шутка, а не сожаление по поводу ухода перспективного сотрудника.

«Ну, значит, я все правильно решил», — подумал про себя Альбер.

***

И вот через какое-то время он уже шел по городку Бюркербург. Тот явно был небольшим, но Альберу сразу понравился. Никакого налета провинциальности. Этот городок казался уменьшенной копией Эйербурфа. Поменьше домов, поменьше улиц, меньше встречается прохожих, и церковь, что высилась над домами, тоже была поменьше.

Вскоре молодой человек подошел к нужному дому, в котором располагалась редакция газеты «Ди вохе». На втором этаже по обеим сторонам лестницы находились двери, но Альбер безошибочно определил, в какую дверь ему надо. В ту, из-за которой доносился невообразимый шум печатающих машинок.

— Добрый день, господа, — сказал молодой человек, заходя внутрь.

Шум машинок тут же стих. Редакция занимала небольшое помещение, в котором стояло несколько столов. За двумя из них сидела пара молодых людей, похожих друг на друга как две капли воды.

— Как мне найти герра Хоффмана? — спросил Альбер, но ответа не потребовалось.

Слева, в общей комнате, имелась еще одна дверь, которая открылась, и из нее показался мужчина небольшого роста, черты лица которого чем-то напоминали тех двух молодых парней, сидящих за столами.

— Что вам угодно? — спросил мужчина.

Альбер хотел ответить, но тот опередил его.

— О! вы, наверное, герр Фишер, — заулыбался мужчина. — Я Фриц Хоффман, главный редактор. Мы вас уже давно ждем. Прошу, проходите.

Редактор сделал шаг в сторону, приглашая Альбера в кабинет.

Разговор с главным редактором газеты получился хорошим. Альберу подтвердили условия, которые были указаны в письме. Потом на столе появился подготовленный договор. Молодой человек прочел его и сразу же подписал. Никаких тонкостей в договоре не имелось, а расторгнуть его стороны могли в любое время.

— Мне очень понравились ваши морские репортажи, — сказал редактор, когда основные формальности были улажены.

— Что? Что за репортажи? — не сразу сообразил Альбер.

— Ну те, где вы пишете про морскую ведьму, — радостно объяснил Хоффман.

«Боже!» — воскликнул про себя молодой человек, а вслух

спросил: — Но я надеюсь, что мне придется не только утопленниками заниматься?

— Что вы! Что вы! — редактор замахал руками, а потом гордо заявил: — У нас в газете не только криминальная хроника! Целых десять разделов. Выбирайте, что вам по душе, остальным нагружайте помощников.

Помощники, кстати, оказались близнецами и сыновьями самого редактора. Звали их Рупхерт и Генрих. Герр Хоффман объяснил, что до сих пор основная работа в газете по написанию текстов лежала на нем. Попутно редактор объяснил, в чем заключался успех его газеты. На севере, в километрах десяти от Бюркербурга, располагался речной порт, а на востоке — большой химический комбинат со своим рабочим поселком. И в порту, и в рабочем поселке у газеты имелись точки распространения. Так что аудитория газеты не ограничивалась жителями Бюркербурга. Также помогало то, что другой газеты в округе не было, и обо всех местных новостях жители могли узнать только из «Ди вохе».

— Сейчас мы сделали новый раздел платных объявлений, и рук уже не хватает. Так что, как устройтесь, сразу же приступайте к работе. И пишите, что пожелаете.

Редактор снова широко улыбнулся. Видимо, действительно работы навалилось много, и он искренне радовался появлению нового репортера.

— И стихи тоже? — спросил Альбер.

— Вы пишете стихи? Это же здорово! — воскликнул

Хоффман и даже не заметил, как молодой человек покраснел. — Можно организовать поэтический кружок. Уверен, что среди жителей нашего городка найдутся любители поэзии.

— Но это уже по вашему желанию, — тут же добавил редактор, из чего Альбер понял, что работа по организации поэтического кружка никак оплачиваться не будет.

— А нет ли среди ваших объявлений объявления о сдаче комнаты? — спросил он. Основные детали работы они уже обговорили, и стоило начать искать жилье.

— Какие объявления?! — возмутился Хоффман. — Все уже готово!

Он рассказал, что поблизости есть дом. Его владелица, Марта Ригер, вдова и очень порядочная женщина. Недавно от нее съехал жилец, и редактор уговорил ее придержать комнату в расчете на скорое появление нового репортера.

— Дорого? — поинтересовался Альбер.

— Вряд ли, — ответил Хоффман. — Прошлый ее квартирант работал коммивояжером. Не самая прибыльная профессия. Так что, думаю, вас все устроит. Сейчас же туда и идите. С хозяйкой обо всем и договоритесь.

Альбер так и поступил. Хотел спросить адрес, но редактор отрядил с ним одного из своих сыновей, Генриха. Идти, оказалось, и правда недалеко. Пара улочек — и вот они перед нужным домом.

— Герр Фишер, — прежде чем проститься, сказал сопро-

вождавший его Генрих. — Если будет возможность, пошлите меня на разные преступления. Я страсть как люблю о них писать.

— Я подумаю, — солидно ответил Альбер, а про себя удивился: «Надо же, кому-то нравится на все это смотреть!»

Сцена 5

Марта Ригер вышла замуж поздно — в девятнадцать лет. Родители ее были обычные люди и дать богатое приданое не могли. Будущий муж Марты, Макс Нойманн, работал вместе с ее отцом на химическом комбинате. Наверное, это и сыграло свою положительную роль в том, что тот согласился взять в жены почти бесприданницу. А самому герру Нойманну было чем гордиться. Ему в наследство от родителей достался дом. Небольшой, но в два этажа.

Пока родители Марты были живы, ее семейная жизнь протекала более или менее спокойно. Но прошло пять лет. Ее отец неожиданно умер. Схватился за грудь правой рукой — и его не стало. Мать Марты пережила мужа ненадолго. В один из зимних дней у нее начался кашель, а потом она сгорела в лихорадке всего за неделю.

После этого муж Марты бросил работу на комбинате. Он использовал деньги, вырученные от продажи дома родителей жены, как стартовый капитал. Купил мотоциклетку с коляской, которую наполнял товарами, что имели спрос у селян, и колесил по окрестным деревням и хуторам. Марта, таким образом, на два-три дня оставалась дома одна.

То ли ему кто-то наплел про жену, то ли он сам надумал, но с тех пор, как Макс сменил работу и стал уезжать из дома на заработки, он стал подозревать Марту в измене. Слова жены, что она ему верна, только распяляли новоявленного коммивояжера. В результате каждый раз, когда Макс возвращался со своей коммерции, разгорался скандал, который заканчивался побоями жены. А поскольку муж был крепким мужчиной, то Марта никак не могла ему противостоять. Оставалось только терпеть и плакать. Каждого возвращения мужа она ждала с ужасом, а ее душа наполнялась отчаянием. А потом случилось непоправимое.

Стояла поздняя осень. Шел дождь. Марта в страхе ожидала мужа. Тот вернулся мокрый и злой. Оказывается, его мотоциклетка заглохла, когда он был в ближней деревне, и не хотела заводиться. В результате Макс оставил свое средство передвижения в деревенском сарае, а домой добрался с попутным конным экипажем.

— Может быть, стоило остаться в деревне, — сказала Марта. — Дождь закончился бы, и ты починил бы мотоциклетку.

Несмотря ни на что, она пожалела мужа, который весь вымок под дождем, пока ехал в открытом экипаже.

— Чтобы ты здесь побольше понежилась со своим любовником?! — взревел муж.

— Нет у меня никакого любовника, — крикнула ему в ответ Марта, хотя понимала, что слова мужа не переубедят.

— Сучка! — еще громче крикнул Макс и отвесил жене пощечину.

Скандал разворачивался на кухне, где Марта собиралась накормить мужа горячей похлебкой.

От удара женщину отбросило на буфет, на котором она только что нарезала хлеб. Марта больно ударилась поясницей о столешницу буфета. Женщина оперлась руками о буфет, чтобы пояснице стало немного легче. Она не плакала. Марта по опыту знала, что слезы только распаляют ярость мужа.

Но Макс и так не думал отставать от жены.

— Кто он? — муж схватил за платок, что был повязан на шее Марты, и стал его закручивать. — Говори, с кем снюхалась?

Макс, как всегда, не считал нужным соразмерять силу. Платок на шее женщины затягивался все сильнее. Стало трудно дышать. Она попыталась нащупать на столешнице буфета что-то тяжелое, что могло бы остановить насильника. Какой-то предмет попался ей под руку, и она из последних сил ударила им мужа. Только вот беда: этот предмет оказался слишком легким.

«Такой пушинкой его не остановить», — подумала Марта, почти теряя сознание.

Но неожиданно муж отшатнулся от нее, потом закачался, сел на пол и попытался, как показалось женщине, почесать левый бок. У него это не получилось. Он молча взглянул на

жену, а потом упал на спину. Из его левого бока, ближе к подмышке, торчал нож, которым Марта совсем еще недавно резала хлеб.

Первой мыслью женщины было бежать за доктором. Но муж не дышал и лежал так неподвижно, что она поняла: доктор ему уже ничем не поможет. Кроме того, нож, которым Марта резала хлеб, был длинным, а сейчас из тела мужа торчала лишь его рукоятка. Очевидно, что страх и отчаяние придали ей сил, а случай помог загнать лезвие ножа на всю его длину.

Затем Марта решила позвать полицию. В соседнем полицейском участке работал ее двоюродный брат. Но женщина вспомнила, что несколько раз уже обращалась к нему после того, как ее избивал муж, но кузен только разводил руками, мол, это ваши дела семейные.

«Не поможет мне полиция», — подумала она и с холодной решимостью поняла, что спасти себя ей придется самой.

Сзади дома, где Марта жила с мужем, располагался небольшой яблоневый сад. Каждую осень Макс вырывал большую яму и заставлял жену сгребать туда опавшие листья.

— Так делал мой отец, — говорил он. — И я так буду делать.

Предполагалось, что через пару лет из этой ямы можно будет накопать перегноя, чтобы удобрить яблони. Возможно, так и поступал отец Макса. Только вот он сам ничего по-

добного не делал. Все ограничивалось ямой, в которую всю осень Марта гребла листья. Одна из таких ям была вырыта и в эту осень.

Женщина одела плащ и вышла в сад. У нее ушло с полчаса, чтобы выгрести листья из ямы. Потом она вернулась домой. Макс лежал неподвижно. Из его бока по-прежнему торчала рукоятка ножа, а под телом натекла небольшая лужица крови.

Марта посмотрела в окно. Уже совсем стемнело, а дождь и не думал заканчиваться. Она сняла с вешалки плащ мужа, расстелила его рядом с телом. Кое-как сумела перевернуть труп на плащ, завязала его рукава под руками мертвеца и потащила груз к черному входу, который как раз выходил в сад. Как она дотянула мертвеца до ямы, Марта не знала. Когда она столкнула труп в яму, усталость настолько накрыла ее, что она была готова грохнуться рядом с мертвецом. Ей стало уже все равно. Затея спрятать труп уже не казалась ей удачной. И все же Марта решила доделать дело до конца. Маленькая надежда — а вдруг все получится — еще теплилась внутри нее. Женщина забросала яму сначала комьями земли, а уже после навалила сверху опавших листьев.

«И жерди не забудь, — всегда напоминал ей муж, когда раньше Марта заполняла яму листьями. — А не то ветер развевает их снова по саду».

— Не забуду, — вслух сказала женщина, принесла стоявшие у стены дома жерди и разложила их поверх кучи листьев.

Потом она вернулась в дом. Скинула мокрое платье прямо на кухне, прошла в спальню, упала на кровать и залилась слезами. Постепенно рыдания смолкли, и несчастная заснула.

Утром Марта проснулась на удивление бодрой.

«Я свободна, — пришла ей в голову мысль. — Я теперь свободна».

Сердце в груди у нее забилося сильнее, дыхание участилось. Марта поняла, что теперь никто не будет ее избивать, что теперь она сама будет определять, как ей жить.

Но за свободу надо бороться. Поэтому женщина быстро выбралась из постели и взялась за работу. Сначала она вытерла кровь, что успела натечь из трупа на кухне и в коридоре. Мокрое платье выстирала и только потом вышла в сад. За ночь листья в яме осели. Пришлось убрать жерди и нагрести еще листьев. Куча получилась что надо. Прикрывая ее снова жердями, Марта удивилась, что совершенно не думает о муже, словно он все еще в поездке, а она просто работает в саду.

«Пусть так и будет, — подумала она. — Пусть все так и будет».

Через неделю Марта пошла в полицейский участок и заявила о пропаже мужа. Ее там выслушали и даже провели расследование: нашли в ближайшей деревне мотоциклетку Макса. Хозяин сарая подтвердил, что неделю назад торговец из города договорился с ним последить за его агрегатом.

«Да, человек из города приезжал. Да, у него сломалась мотоциклетка. Да, он попросил поставить ее в его сарай. Нет, что вы, я не убивал этого человека!»

Сначала полицейские думали, что хозяин сарая и есть убийца. У него имелся мотив — завладеть дорогим средством транспорта и товарами, которые располагались в коляске мотоциклетки. Но труп не нашли, следов крови тоже, а сам хозяин сарая ни в какую не хотел признаваться в убийстве. А потому его пришлось отпустить. В конце концов, в полиции посчитали, что Макс Нойманн стал жертвой грабителей, когда поздно вечером пешком возвращался домой. На этом дело и было прекращено.

Марта отходила положенный срок в трауре, а потом у нее началась новая жизнь. Дом мужа перешел к ней по праву наследования. Мансардную комнату на втором этаже она стала сдавать. Денег это приносило немного, но на жизнь хватало. Так что никуда идти работать ей не пришлось.

А еще она заметила, что на нее стали обращать внимание мужчины. Ведь Марта была молодой фигуристой женщиной, да еще в придачу владела хорошим домом. Заполучить такую жену желали многие. Однако молодая вдова всем улыбалась, но ни к какому сближению с мужчинами не стремилась.

«Ни за что! — говорила она себе. — Больше никаких мужей».

А еще она понимала, что второй раз все может и не пройти

так гладко. Да и другой ямы в саду уже не имелось.

Только один раз ее сердце дрогнуло, когда в двери дома постучался новый постоялец.

— Добрый день, меня зовут Альбер Фишер, — на пороге стоял приятный молодой мужчина. — Меня направил к вам Фриц Хоффман.

Марта была в домашнем платье, которое обнажало шею и плечи. Она заметила, что незнакомец старался смотреть ей в глаза, для того чтобы не обращать внимания на ее грудь.

«Какой скромник! — подумала про себя женщина. — Такой бы точно не стал избивать свою жену».

Чтобы не смущать будущего постояльца, Марта прикрыла грудь платком, что был у нее на плечах, и улыбнулась.

— Проходите, — сказала она. — Я вас уже давно жду.

«Хороший постоялец, — решила про себя женщина. — С таким не будет неприятностей».

Но она ошибалась.

Сцена 6

Дверь закрылась за спиной хозяйки, и Альбер остался один в мансарде. Воздух, пропахший старым деревом и слабым ароматом мыла, казалось, все еще вибрировал от недавнего присутствия этой чудесной женщины. Молодой человек стоял, словно парализованный, прислушиваясь к отзвукам ее шагов на лестнице. А потом он, почти не отдавая себе отчета в действиях, лихорадочно рванул к своему саквоюжу.

«Тетрадь, где тетрадь?» — мысли путались, сплетаясь в

один сплошной клубок из розового тумана, что накатил на него несколькими минутами раньше.

***

Увидев хозяйку дома, в котором ему порекомендовали снять комнату, Альбер был поражен в самое сердце. У него в душе появилось такое же чувство, как тогда, когда он, еще школьник, увидел прекрасную незнакомку у лавки зеленщика.

— Вот здесь кухня, вот здесь столовая. Кстати, в плату за жилье входит завтрак. Вы не пожалеете. Ваша комната — вверх по лестнице, — Марта Ригер с очаровательной улыбкой показывала новому постояльцу расположение комнат на первом этаже.

Но слова доходили до Альбера как будто издалека. Все ясно и понятно, но словно приглушенно, поскольку эти слова совсем неважны, а важно что-то иное, которое вот-вот откроется взору.

Марта, конечно же, заметила, что произвела впечатление на нового репортера их городской газеты. И улыбалась она не просто так. Похожей улыбкой хозяйка дома встречала и предыдущих постояльцев. Что там надумывали те мужчины, что собирались снять у нее комнату, женщину не волновало. Дальше улыбок она не собиралась заходить. Только вот мужчины об этом не знали. И когда фрау Ригер называла цену за комнату чуть выше, чем, например, у старой Греты через дорогу, то будущие постояльцы, ободренные ее улыбкой,

соглашались не торгуясь. Оставалось только потом осадить их напор. Но Марта владела этим мастерски. Уже на следующий день она становилась холодной и чопорной хозяйкой, к которой лучше не соваться с вольностями. Если жилец не понимал этого, то фрау Ригер доставала из сундука темное платье и черный чепец. Тут уж и дураку становилось понятно, что женщина в трауре и заигрывать с ней глупо.

Но с этим молодым репортером все было не так, как с другими. Марта умилялась румянцу на его щеках, а то, как он пытался казаться солидным, выглядело таким милым и непосредственным. Молодой женщине даже захотелось немного сбавить цену на комнату, но она тут же себя одернула. Коммерция есть коммерция!

Когда они поднялись на второй этаж, Альбер спросил насчет печки.

— В этом нет необходимости, — заверила его хозяйка. — Пол здесь тонкий, и тепло с первого этажа будет обогревать вашу комнату. Вот посмотрите...

Марта показала на узкую кровать, заправленную тонким шерстяным одеялом, и стала объяснять, что кровать находится прямо над плитой, на которой готовится еда, и что это самое теплое место в комнате, и что жилец будет всегда обогрет даже в самые холодные зимние ночи.

— Но мне кажется, что откуда-то дует, — сказал Альбер. Он стоял у мансардного окна, под которым располагались стол и стул. Это показалось ему удобным. Можно не тратить-

ся на свечи, свет из окна дает возможность писать за столом.

— Ой, это плохо закрыто окно, — сказала хозяйка.

Поскольку между ней и окном стоял молодой человек, Марта решила немного пошалить. Она потянулась к окну, чтобы сильнее задвинуть раму. Для этого ей пришлось налечь на спину Альбера своей немаленькой грудью. Раз — и рама встала на место. Дуть перестало. Женщина отодвинулась от молодого человека, как будто ничего и не произошло. Но только не для Альбера. Он всем телом почувствовал выпуклости хозяйки. Его будто пронзило электрическим разрядом, а в голове начал клубиться розовый туман. Молодой человек старался не показать своего состояния, но чуть открытый рот, расширенные глаза и неожиданная молчаливость — все это говорило о его крайнем возбуждении. Он даже не отреагировал на то, что из окна действительно перестало дуть.

— И за все это я прошу..., — Марта назвала месячную плату за жилье. Как всегда, плата оказалась чуть выше, чем у ее соседки-конкурентки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.